

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ОРГАНИЗАТОР интервью, один из представителей компании «Маккартни продакшнз лимитед» Бернард Дохерти поставил жесткое условие: в полном объеме запись беседы с Полом может быть опубликована не ранее середины сентября, то есть за две недели до выхода в свет пластинки. При этом предложил подписать соответствующий контракт, текст которого однозначно свидетельствовал, что в мире бизнеса шутить не принято: невыполнение взятых обязательств, в том числе передача пленки с записью интервью любой газете, радио и телекомпания или фирме грамзаписи, грозила судебным преследованием. Поэтому, едва закончив расшифровку беседы с Полом Маккартни, я, от греха подальше, быстренько стер пленку, чтобы не стать жертвой «случайного» разбойного нападения (по слухам, за пленку могли «отвалить» несколько десятков тысяч фунтов).

Пол МАККАРТНИ:

«МИР ОБРЕТАЕТ НАДЕЖДУ»

Почти полгода прошло с тех пор, как нам с корреспондентом ТАСС удалось встретиться с Полом Маккартни, одним из четырех участников ансамбля «Битлз». Поводом для интервью послужил контракт на выпуск в Советском Союзе эксклюзивной пластинки, подписанный рок-звездой и советской фирмой грампластинок «Мелодия». В альбом «Снова в СССР» планировалось включить тринадцать композиций, ставших своего рода классикой поп-музыки и рок-н-ролла.

Белого дома и поют эти песни, у меня возникало ощущение, что мы сделали что-то важное.

Вот, пожалуй, что лежало в основе нашего решения. Нам показалось, что мы можем сделать жест доброй воли по отношению к советским людям.

— А почему ты не сделал этого раньше, тем более что знал о популярности «Битлз» в нашей стране?

— Просто раньше я об этом не задумывался. Изменился климат. Что сейчас происходит? Все больше людей обретают надежду. Я не знаю, что происходит в России, но это абсолютно точно наблюдается в Британии. Не все получается в международных отношениях, но очевидное движение в сторону большего понимания.

Что касается меня и моих друзей, то мы считаем, что происходящие изменения уменьшают угрозу войны, укрепляют мир.

— И еще один вопрос в связи с пластинкой, который наверняка возникнет у советских любителей музыки: почему в нее включены старые рок-н-ролы, а не новые песни Маккартни?

— Ну новые композиции, может быть, в следующий раз. На этой же пластинке — песни моей юности, которые играли во всех клубах, пабах. Рок-н-ролы — мои самые любимые песни.

— Значит, что-то вроде ностальгии?

— Пожалуй, да. В те годы я начал играть, чтобы петь. Для меня это было потребностью — петь каждую пятницу. В эти дни мы часенко с друзьями проводили «джэм-сэш» — своего рода музыкальные экспромты. К 18 годам песни стали неотъемлемой частью моего существования.

— А что ты знаешь об СССР?

— Если честно, то по сути дела ничего.

— Во время расцвета «Битлз» не раз возникали слухи, что вы собираетесь выступить с концертом в Советском Союзе. Назывались даже конкретные даты и время. Что ты на это скажешь?

— Должен совершенно определенно ответить, что в России мы никогда не были. Единственная социалистическая страна, в которой я побывал, это Югославия, город Загреб. Но я всегда хотел посетить вашу страну. Когда мы обсуждали разные идеи, часто возникала мысль: «А хорошо бы дать концерт в Москве!» Но на этом все и заканчивалось. Так что зачастую не мы, а слухи о нас спешили куда-то.

— И все же, имеет ли советская аудитория шанс увидеть Пола Маккартни «живьем»?

— Я бы хотел этого, и сейчас мы обсуждаем этот вопрос. Но сначала следует узнать реакцию на наш альбом. Кроме того, у меня сейчас нет постоянного состава, а этот вопрос надо решать. В том числе и для работы здесь, в Англии*.

— Пол, не мог бы ты рассказать, чем занимаешься сейчас?

— Готовлю новый альбом.

— Конечно, в стиле «музыки Пола Маккартни»? Кстати, что это — поп, рок?

— Я не люблю втискивать музыку в категории.

— Мы задаем этот вопрос потому, что порой любители с алломбом судят о ваших композициях: «Это — рок, а это — поп» и так далее. Что ты на это скажешь?

* Прим. автора: Недавно две популярные московские газеты сообщили, что в самом ближайшем будущем П. Маккартни приедет в нашу страну, чтобы дать серию концертов, что-де уже ведутся переговоры с соответствующими советскими организациями. В статьях приводились и другие разнообразные сведения об условиях предстоящего тура. Вот что сказал по этому поводу В. Дохерти, к которому пришлось обратиться за дополнительными разъяснениями в августе сего года: «В настоящее время не существует никаких поездики Пола Маккартни в Москву. Мы надемся, что советские любители его творчества компенсируют это, послушав его пластинку «Снова в СССР». Пол очень хотел бы приехать в нашу страну в будущем, и мы в целом не исключаем такой возможности, скажем, в предстоящие несколько лет. Но не в ближайшем будущем».

— Это — просто музыка. Дело в том, что у меня несколько стилей. То я играю рок-н-ролы, то еще что-нибудь. А вообще сердце мое тяготеет к мелодичности. Такие мои песни живут дольше других.

— Пол, а почему ты играешь левой рукой?

— Все очень просто — я левша.

Вообще-то начинал я играть на трубе лет эдак в тринадцать. Ее мне купил отец. В то время это был очень модный инструмент. Я уже выучился было играть, но тут понял, что мне хочется еще и петь. А с трубой это было почти невозможно. Тогда я остановился на гитаре. Начинать играть на обычной, «правосторонней», но скоро понял, что мне неудобно, я быстро устаю. Однажды я увидел фотографию американского музыканта Слима Уитни. Он играл левой рукой! Тогда-то я и заказал себе другую гитару.

Вскоре после этого я, кстати, познакомился с Джоном Ленноном. Мне было тогда лет пятнадцать-шестнадцать, и мы стали писать песни. К восемнадцати годам я научился писать вещи, которые нравились публике. А до этого нас никто просто не хотел слушать. Сами понимаем, это не очень-то вдохновляло.

— Когда же к «Битлз» пришел настоящий успех?

— Настоящий успех? Непростой вопрос. По-моему, это — наши первые выступления в кабачке «Кэверн» в Ливерпуле. До этого мы были никем, а там стали «звездами». Пусть небольшими, даже по ливерпульским стандартам, но «звездами». Это было началом успеха, который затем стал приводить на стадионы, где мы выступали, десятки тысяч людей.

— Как родилось название «Битлз»?

— Это — результат умышленной орфографической ошибки. В свое время была американская группа «Крикет», в которой играл Бадди Холли. нас особенно поразило то, что это название одновременно имело два смысла: английской игры «крикет» и американского «кузнечика». И мы решили пойти по тому же пути. Так и получилось, что из-за изменения одной гласной название «Битлз» одновременно означало и «жуки» и набравшее тогда силу музыкальное направление «бит».

— Какую песню «Битлз» ты любишь больше всего?

— Ну, этот вопрос мне задавали не раз, и у меня, в общем-то, есть готовый ответ. Я люблю самые разные песни «Битлз» самых разных времен. Причем среди них есть такие, которые даже мало кто слышал. Но все-таки, наверное, это песня «Вчера». А если быть совсем честным, то это маленькая дурацкая песенка «Ты знаешь мое имя, посмотри номер телефона». Ее никто не помнит. Но мне она нравится.

— Можешь ли ты вкратце рассказать о своих отношениях с другими членами «Битлз»?

— С Джорджем и Ринго? Мы сохранили очень хорошие отношения. У нас были споры, касавшиеся деловых вопросов. Они в итоге и привели к развалу «Битлз»: речь шла о слишком больших деньгах. Сегодня у меня очень хорошие отношения и с тем, и с другим. Мы встречаемся. А с Джорджем даже говорили о том, чтобы вместе написать песни, чего раньше никогда не было. Веру мы писали все песни на паре с Джоном. Повторяю, отношения у нас очень хорошие. Сейчас мы стали старше, рассудительнее. Кроме того, у нас была возможность самовыразиться в сольных альбомах.

— А есть ли шанс на то, что вы соберетесь вместе и что-нибудь исполните?

— Трудно сказать. Кое-кто об этом поговаривал. Нам даже предлагали миллион. Но нам казалось, что это станет

(Окончание на 4-й стр.).

Итак, 25 апреля 1988 года. Трехэтажное, в современном стиле здание на Сохо-сквер в самом центре лондонского района Сохо, превратившегося в последние годы из места концентрации притонов преступного мира и публичных домов в музыкальный центр английской столицы. Черные зеркала окна огромных размеров надежно скрывают обитателей от любопытных взоров зевак и музыкальных фанатиков. При входе в таинственное здание, увенчанное скромной аббревиатурой «MPL», нас встретил Бернард Дохерти. Три лестничных пролета — и мы в приемной Пола Маккартни. Он не заставил себя ждать: широко распахнул двери, с приветливой улыбкой, совсем обыденно, по-домашнему произнес: «Здорово, ребята, проходите». На нем мягкие, спортивного покроя брюки, голубая рубашка с небрежно закатанными рукавами. Знакомая, ничуть не изменившаяся с годами улыбка, живые, слегка удивленные глаза, хотя и в обрамлении морщинок, тронутые седinou волосы. Во взгляде — затаянное любопытство: с советскими журналистами, если его не подводит память, встречается впервые.

Первый наш вопрос, как и положено, касается будущего альбома: какие вещи в него включены, когда были записаны, как родилась идея выпустить пластинку именно в Советском Союзе?

— Эту пластинку я делал для души. На ней рок-н-ролы, песни моей юности: «Легнее время», «Все в порядке, мама», «Лишь потому»... Да и записали мы их в традициях «Битлз» — так же быстро, как и самый первый наш альбом. Как это было? В сентябре прошлого года мы с друзьями — нас собралось шесть музыкантов — пришли в студию. Я сказал: «О'кей, ребята, мы играем это так и так и заканчиваем так. Поехали!». Я никому не дал времени на раздумья, и мы практически за один день сделали восемнадцать записей.

По правде говоря, я сейчас и не вспомню, когда и как возникла мысль выпустить альбом в вашей стране. Просто появилось желание ответить чем-то на вашу политику гласности, на начавшийся диалог между Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом. Возможно, толчком послужил репортаж из Советского Союза, подготовленный американской телекомпанией Эй-би-си, который я увидел по телевизору. Репортер подходил к детям, домохозяйкам, прохожим на улице, заводил самый обыкновенный разговор, и, вы знаете, я увидел обычные, нормальные лица людей. А ведь Россия для нас существовала всегда за железным занавесом.

Когда я был еще мальчишкой, я часто задавал отцу вопрос: хотят ли люди, например, немцы (а тогда они ассоциировались с «образом врага»), мира? И он всегда отвечал: «Да, люди во всех странах хотят мира. А ругаются в основном правительства, лидеры, генералы». Я крепко запомнил эти слова.

Но вернуться к фильму. Там показали старушку в платочке. Когда репортер приблизился к ней и спросил, не хочет ли она пожелать чего-нибудь американцам, женщина сначала напугалась от него в испуге. Но затем остановилась. По ее лицу видно было, что она о чем-то напряженно думает. А затем посмотрела в камеру и промолвила: «Скажите, что мы хотим мира». Это было все, что она сказала. Но мне подумалось тогда: это же великолепно, что именно такие слова сказала русская женщина американцам. Эта сцена произвела на меня огромное впечатление. А потом были Женева, Рейкьявик, Вашингтон. В общем, что-то изменилось в мире. Со всеми этими переговорами о сокращении вооружений стало легче дышать.

Так вот, возвращаясь к песням, которые мы записали в прошлом году. Я хотел что-то сделать с ними, но не знал, что конкретно. И в одной из бесед с моим менеджером неожиданно родилась идея — а нельзя ли выпустить диск специально в России? Я знал, что мои пластинки так или иначе попадали в вашу страну, что в СССР знают «Битлз» и они пользуются популярностью. И мне подумалось: а почему бы не сделать такой жест, который как бы говорил: «Послушайте, это — вам!»

Еще со времен «Битлз» мы были честны перед собой. Мы никогда не были куклами. Если американцы спрашивали нас, что мы думаем о Вьетнаме, мы отвечали: «Это война, и вам не следует там быть». Иными словами, мы были своего рода послами мира, хотя не занимали никаких официальных постов. Мы пели «Все, что тебе нужно, это — любовь», а Джон Леннон сочинил песню «Дайте миру шанс». О первой из них частично говорили как о фривольной, но я понимаю ее иначе. Когда по телевизору показывали, как тысячи американцев стоят у ограды

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

ОРГАНИЗАТОР интервью, один из представителей компании «Маккартни продакшнз лимитед» Бернард Дохерти поставил жесткое условие: в полном объеме запись беседы с Полом может быть опубликована не ранее середины сентября, то есть за две недели до выхода в свет пластинки. При этом предложил подписать соответствующий контракт, текст которого однозначно свидетельствовал, что в мире бизнеса шутить не принято: невыполнение взятых обязательств, в том числе передача пленки с записью интервью любой газете, радио и телекомпаниям или фирме грамзаписи, грозила судебным преследованием. Поэтому, едва закончив расшифровку беседы с Полом Маккартни, я, от греха подальше, быстренько стер пленку, чтобы не стать жертвой «случайного» разбойного нападения (по слухам, за пленку могли «отвалить» несколько десятков тысяч фунтов).

Итак, 25 апреля 1988 года. Трехэтажное, в современном стиле здание на Сохо-сквер в самом центре лондонского района Сохо, превратившееся в последние годы из места концентрации притонов преступного мира и публичных домов в музыкальный центр английской столицы. Черные зеркальные окна огромных размеров надежно скрывают обитателей от любопытных взглядов зевак и музыкальных фанатиков. При входе в таинственное здание, увенчанное сиреной аббревиатурой «MPL», нас встретил Бернард Дохерти. Три летних пролета — и мы в приемной Пола Маккартни. Он не заставил себя ждать: широко распахнул двери, с приветливой улыбкой, совсем обыденно по-нашему произнес: «Здорово, ребята, проходите». На нем мягкие, спортивного покроя брюки, голубая рубашка с небрежно закатанными рукавами. Знакомая, ничуть не изменившаяся с годами улыбка, живые, слегка удивленные глаза, хотя и в обрамлении морщинок, тронутые седыми волосами. Во взгляде — затаянное любопытство: с советскими журналистами, если его не подводит память, встречается впервые.

Первый наш вопрос, как и положено, касается будущего альбома: какие вещи в него включены, когда были записаны, как родилась идея выпустить пластинку именно в Советском Союзе?

— Эту пластинку я делал для души. На ней рок-н-ролл, песни моей юности: «Летнее время», «Все в порядке, мама», «Лишь потому...» Да и записали мы их в традициях «Битлз» — так же быстро, как и самый первый наш альбом. Как это было? В сентябре прошлого года мы с друзьями — нас собралось шесть музыкантов — пришли в студию. Я сказал: «О'кей, ребята, мы играем это так и так и заканчиваем так. Поехали!». Я никому не дал времени на раздумья, и мы практически за один день сделали восемнадцать записей.

По правде говоря, я сейчас и не вспомню, когда и как возникла мысль выпустить альбом в вашей стране. Просто появилось желание ответить чем-то на вашу политику гласности, на начавшийся диалог между Михаилом Горбачевым и Рональдом Рейганом. Возможно, толчком послужил репортаж из Советского Союза, подготовленный американской телекомпанией Эй-би-си, который я увидел по телевизору. Репортер подходил к детям, домохозяйкам, прохожим на улице, заводил самый обыкновенный разговор, и, вы знаете, я увидел обычные, нормальные лица людей. А ведь Россия для нас существовала всегда за железным занавесом.

Когда я был еще мальчишкой, я часто задавал отцу вопрос: хотят ли люди, например, немцы (а тогда они ассоциировались с «образом врага»), мира? И он всегда отвечал: «Да, люди во всех странах хотят мира. А ругаются в основном правители, лидеры, генералы». Я крепко запомнил эти слова.

Но вернусь к фильму. Там показали старушку в платочке. Когда репортер приблизился к ней и спросил, не хочет ли она пожелать чего-нибудь американцам, женщина сначала шарахнулась от него в испуге. Но затем остановилась. По ее лицу видно было, что она о чем-то напряженно думает. А затем посмотрела в камеру и промолвила: «Скажите, что мы хотим мира». Это было все, что она сказала. Но мне подумалось тогда: это же великолепно, что именно такие слова сказала русская женщина американцам. Эта сцена произвела на меня огромное впечатление. А потом были Женева, Рейкьявик, Вашингтон. В общем, что-то изменилось в мире. Со всеми этими переговорами о сокращении вооружений стало легче дышать.

Так вот, возвращаясь к песням, которые мы записали в прошлом году. Я хотел что-то сделать с ними, но не знал, что конкретно. И в одной из бесед с моим менеджером неожиданно родилась идея — а нельзя ли выпустить диск специально в России? Я знал, что мои пластинки так или иначе попадали в вашу страну, что в СССР знают «Битлз» и они пользуются популярностью. И мне подумалось: а почему бы не сделать такой жест, который как бы говорил: «Послушайте, это — вам!»

Еще до времен «Битлз» мы были честны перед собой. Мы никогда не были куклами. Если американцы спрашивали нас, что мы думаем о Вьетнаме, мы отвечали: «Это война, и вам не следует там быть». Иными словами, мы были своего рода посланцами мира, хотя не занимали никаких официальных постов. Мы пели «Все, что тебе нужно, это любовь», а Джон Леннон сочинил песню «Дайте миру шанс». О первой из них частично говорили как о фривольной, но я понимаю ее иначе. Когда по телевизору показывали, как тысячи американцев стоят у ограды

Пол МАККАРТНИ:

«МИР ОБРЕТАЕТ НАДЕЖДУ»

Почти полгода прошло с тех пор, как нам с корреспондентом ТАСС удалось встретиться с Полом Маккартни, одним из четырех участников ансамбля «Битлз». Поводом для интервью послужил контракт на выпуск в Советском Союзе эксклюзивной пластинки, подписанный рок-звездой и советской фирмой грампластинок «Мелодия». В альбом «Снова в СССР» планировалось включить тринадцать композиций, ставших своего рода классикой поп-музыки и рок-н-ролла.

Белого дома и поют эти песни, у меня возникало ощущение, что мы сделали что-то важное.

Вот, пожалуй, что лежало в основе нашего решения. Нам показалось, что мы можем сделать жест доброй воли по отношению к советским людям.

— А почему ты не сделал этого раньше, тем более что знал о популярности «Битлз» в нашей стране?

— Просто раньше я об этом не задумывался. Изменился климат. Что сейчас происходит? Все больше людей обретают надежду. Я не знаю, что происходит в России, но это абсолютно точно наблюдается в Британии. Не все получается в международных отношениях, но очевидно движение в сторону большего понимания.

Что касается меня и моих друзей, то мы считаем, что происходящие изменения уменьшают угрозу войны, укрепляют мир.

— И еще один вопрос в связи с пластинкой, который наверняка возникнет у советских любителей музыки: почему в нее включены старые рок-н-ролы, а не новые песни Маккартни?

— Ну новые композиции, может быть, в следующий раз. На этой же пластинке — песни моей юности, которые играли во всех клубах, пабах. Рок-н-роллы — мои самые любимые песни.

— Значит, что-то вроде ностальгии?

— Пожалуй, да. В те годы я начал играть, чтобы петь. Для меня это было потребностью — петь каждую пятницу. В эти дни мы частенько с друзьями проводили «джэм-сешн» — своего рода музыкальные экспромты. К 18 годам песни стали неотъемлемой частью моего существования.

— А что ты знаешь об СССР?

— Если честно, то по сути дела ничего.

— Во время расцвета «Битлз» не раз возникали слухи, что вы собираетесь выступить с концертом в Советском Союзе. Назывались даже конкретные даты и время. Что ты на это скажешь?

— Должен совершенно определенно ответить, что в России мы никогда не были. Единственная социалистическая страна, в которой я побывал, это Югославия, город Загреб. Но я всегда хотел посетить вашу страну. Когда мы обсуждали разные идеи, часто возникала мысль: «А хорошо бы дать концерт в Москве!» Но на этом все и заканчивалось. Так что зачастую не мы, а слухи о нас спешили куда-то.

— И все же, имеет ли советская аудитория шанс увидеть Пола Маккартни «живьем»?

— Я бы хотел этого, и сейчас мы обсуждаем этот вопрос. Но сначала следует узнать реакцию на наш альбом. Кроме того, у меня сейчас нет постоянного состава, а этот вопрос надо решать. В том числе и для работы здесь, в Англии*.

— Пол, не мог бы ты рассказать, чем занимаешься сейчас?

— Готовлю новый альбом. — Конечно, в стиле «музыки Пола Маккартни»? Статьи, что это — поп, рок?

— Я бы хотел втискивать музыку в категории.

— Мы задаем этот вопрос потому, что порой любители с англоязычных судят о ваших композициях: «Это — рок, а это — поп» и так далее. Что ты на это скажешь?

* Прим. автора: Недавно две популярные московские газеты сообщили, что в самом ближайшем будущем П. Маккартни придет в нашу страну, чтобы дать серию концертов, что-де уже ведутся переговоры с соответствующими советскими организациями. В статьях приводились и другие разнообразные сведения об условиях предстоящего турне. Вот что сказал по этому поводу Б. Дохерти, к которому пришлось обратиться за дополнительными разъяснениями в августе сего года: «В настоящее время не существует планов поездки Пола Маккартни в Москву. Мы надеемся, что советские любители его творчества компенсируют это, послушав его пластинку «Снова в СССР». Пол очень хотел бы приехать в нашу страну в будущем, и мы в целом не исключаем такой возможности, скажем, в предстоящие несколько лет. Но не в ближайшем будущем».

— Это — просто музыка. Дело в том, что у меня несколько стилей. То я играю рок-н-роллы, то еще что-нибудь. А вообще сердце мое тяготеет к мелодичности. Такие мои песни живут дольше других.

— Пол, а почему ты играешь левой рукой?

— Все очень просто — я левша.

Вообще-то начинал я играть на трубе лет эдак в тринадцать. Ее мне купил отец. В то время это был очень модный инструмент. Я уже выучился было играть, но тут понял, что мне хочется еще и петь. А с трубой это было почти невозможно. Тогда я остановился на гитаре. Начинать играть на обычной, «правосторонней», но скоро понял, что мне неудобно, я быстро устаю. Однажды я увидел фотографию американского музыканта Слима Уитни. Он играл левой рукой! Тогда-то я и заказал себе другую гитару.

Вскоре после этого я, кстати, познакомился с Джоном Ленноном. Мне было тогда лет пятнадцать-шестнадцать, и мы стали писать песни. К восемнадцати годам я научился писать вещи, которые нравились публике. А до этого нас никто просто не хотел слушать. Сами понимаете, это не очень-то вдохвояло.

— Когда же к «Битлз» пришел настоящий успех?

— Настоящий успех? Непростой вопрос. По-моему, это — наши первые выступления в кабачке «Кэверн» в Ливерпуле. До этого мы были никем, а там стали «звездами». Пусть небольшими, даже по ливерпульским стандартам, но «звездами». Это было началом успеха, который затем стал приводить на стадионы, где мы выступали, десятки тысяч людей.

— Как родилось название «Битлз»?

— Это — результат умышленной орфографической ошибки. В свое время была американская группа «Крикетс», в которой играл Бадди Холли. Нас особенно поразило то, что это название одновременно имело два смысла: английской игры «крикет» и американского «кузнечика». И мы решили пойти по тому же пути. Так и получилось, что из-за изменения одной гласной название «Битлз» одновременно означало и «жуки» и набравшее тогда силу музыкальное направление «бит».

— Какую «Битлз» ты любишь больше всего?

— Ну, этот вопрос мне задавали не раз, и у меня, в общем-то, есть готовый ответ. Я люблю самые разные песни «Битлз» самых разных времен. Причем среди них есть такие, которые даже мало кто слышал. Но все-таки, наверное, это песня «Вчера». А если быть совсем честным, то это маленькая дурацкая песенка «Ты знаешь мое имя, посмотри номер телефона». Ее никто не помнит. Но мне она нравится.

— Можешь ли ты вкратце рассказать о своих отношениях с другими членами «Битлз»?

— С Джорджем и Ринго? Мы сохранили очень хорошие отношения. У нас были споры, касавшиеся деловых вопросов. Они в итоге и привели к развалу «Битлз»: речь шла о слишком больших деньгах. Сегодня у меня очень хорошие отношения и с тем, и с другим. Мы встречаемся. А с Джорджем даже говорили о том, чтобы вместе написать песни, чего раньше никогда не было. Ведь мы писали все песни на пару с Джоном. Поэтому, отношения у нас очень хорошие. Сейчас мы стали старше, рассудительнее. Кроме того, у нас была возможность самовыразиться в сольных альбомах.

— А есть ли шанс на то, что вы соберетесь вместе и что-нибудь исполните?

— Трудно сказать. Кто-то об этом поговаривает. Нам даже предлагали миллион. Но нам казалось, что это станет

(Окончание на 4-й стр.).